

ЧЕКИСТЫ БЫЛИ СОЗДАНЫ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ РВАТЬ НА КЛОЧКИ ВРАГОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ЧЕКИСТЫ

ВОЛКИ СТАЛИНА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ



ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

Сергей Иванович Зверев

Опасный попутчик

Серия «Чекисты. Волки Сталина»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70245685
Опасный попутчик / Сергей Зверев: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-197974-4

Аннотация

Холодной ноябрьской ночью 1933 года сотрудника оперативного отдела ОГПУ Александра Большакова вызвали на место преступления. В своем доме профессиональным ударом шила был убит объект агентурной разработки по прозвищу Меховщик.

Оперативники выяснили, что Меховщик ждал прибытия важной персоны – представителя белой эмиграции, эмиссара из Парижа. Вероятнее всего, эмиссар и был убийцей: на месте преступления он по неосторожности наступил в лужу крови и оставил след.

Группа ОГПУ сумела выследить подозреваемого на вокзале. «Француз» купил билет в мягкий вагон скорого поезда на Москву. И тогда срочно было принято решение: в это же купе посадить оперативника, довести шпиона до Москвы и там передать под контроль местных коллег. Но дерзкий план внезапно дал осечку...

Основано на реальных событиях. Используются архивные документы ОГПУ.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	56
Глава 8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сергей Зверев

Опасный попутчик

© Зверев С.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Иллюстрация на обложке Владимира Нартова

* * *

Глава 1

– Гнилой либерализм, – проворчал Палыч. – Небось и слов таких не слышал, лапоть.

– Да слышал я и не такие ругательные слова, – скучающе отозвался Вася.

К ворчанию Палыча он привык давно. Тот ворчал при каждом удобном и особенно неудобном случае. Да еще когда на дворе ноябрь, а вокруг холод, темень и сквозняки.

– Слышал он, – нахмурился Палыч. – А теперь видеть можешь... Эх, в былые времена либеральничать не стали бы. Сразу за шкуру вражью душонку да в сырой подвал. А дальше – или стенка, или сотрудничай с органами. И ведь сотрудничали!

– Или к стенке становились.

– Ну, всяко бывало, – почему-то смутился Палыч, что-то вспомнив.

А вспомнить ему было чего. В ВЧК он служил с самого дня его основания. И останавливаться не собирался, пока есть силы.

– Тебе бы все шашкой махать да в галоп, – хохотнул Вася. – А тут аккуратненько надо. С умом. Тут тебе агентурная разработка.

– Разработчики хреновы, – не остался в долгу Палыч. Ночь сегодня была особенно холодная, сквозняки особен-

но острые, а старший группы наружного наблюдения особо ворчлив.

– А что. Если б не разработки, кому бы мы были нужны, – резонно заметил Вася. – Служба у нас такая.

– Это у меня служба. А у тебя общественная нагрузка, – отозвался Палыч. – Типа стенгазеты.

Вася только пожал плечами. Он уже давно не обижался на такие уколы. Когда на Палыча накатывало, своих помощников он именовал исключительно общественниками. Конечно, это было не совсем так. Но доля истины в этих словах имелаась.

Оперативный отдел ОГПУ – это такая самая секретная контора. Сотрудникам его не приходится козырять мандатами и удостоверениями. Их личные дела находятся в самых потаенных уголках самых толстых сейфов. Они работают под чужими именами, по документам прикрытия, а сводки и рапорта подписывают исключительно оперативными псевдонимами, притом подобранными довольно странно. Вон Палыч – это Маркиза, потомственный пролетарий Вася – это Монарх, а прекрасно воспитанная хрупкая Танюша из их группы – Биндюжник. Ну а как же иначе. Ведь это разведка ОГПУ. Таких еще со времен царя Гороха зовут топтунами. И задача сотрудников – быть незаметными и замечать все. Ни одна серьезная разработка не обходится без них. Установки, поисковые объектовые мероприятия – чем только не приходится заниматься группе наружки. Но самое главное –

это слежка.

Ядро оперативного отдела составляет, конечно, кадровый состав ОГПУ. Но при этом масса рабочей силы, рядовых топтунов, – они из агентуры. Негласный аппарат. То есть фактически те же общественники, только на постоянном денежном довольствии. И мечта у большинства из них перевестись в штат и получать уже по полной – форму, выслугу, обмундирование. Такие агенты являлись кадровым резервом, фактически состоявшимися, проверенными в деле профессионалами.

– А вообще ты прав, щегол. Будем ждать. Будем мерзнуть. Лишь бы был результат, – буркнул Палыч.

Сколько он работает в органах, а результат – это до сих пор для него святое. Это предмет надежд и источник вдохновения. Это азарт и ликование. И сейчас надеяться на результат были все основания.

Работать с разведкой, общаться с легендированными сотрудниками, заказывать разведмероприятия могут только оперативные сотрудники от уровня полпредства. Районные окружные отделы порой вообще с трудом представляют, что такое разведка ОГПУ. На сей раз инициатором был уполномоченный Большаков. Здоровенный, лопухий, шибко молодой, но из ранних. И при этом феноменально везучий и сильно цепкий. А результат он давал практически всегда. Поэтому Палыч по его заданиям работать любил. И был уверен, что и на этой рыбалке они непременно выудят ка-

кую-нибудь нажористую контру.

– Вон, видишь фигуру, – вдруг напрягся Палыч, будто старая гончая на охоте. – Второй раз кругалья дает, да так никуда и не заходит.

– Скорее всего, кто-то с соседних домов, – предположил Вася.

– Дрянная точка для наблюдения. Ничего не видно!

Фигура исчезла где-то во дворах.

Стихия топтуна – толпа, многолюдье, где легко затеряться, слиться с народом. А такие вот места на окраинах, типа этой Разуваевки, где всего одна улица, покосившиеся дома на три окна и коровы с утра мычат – это вообще запрет на работу. Потому что засветиться здесь легче легкого. Но было очень надо. И Палыч справился. Он всегда справлялся, когда видел, что дело нацелено на результат. Нашли дощатый заброшенный сарай рядом с рекой. Оттуда открывался вид на дом скорняка, он же фигурант «Меховщик». В результате за три дня работы удалось отследить не только заказчиков на обработку шкур и шкурок, но и выявить куда более любопытные фигуры. Контрреволюционная ячейка, предводителем которой был фигурант, начинала приобретать зримые контуры. Но не это было главное. Главное – ждали гостя со стороны. Из другого мира. Эмиссара из-за линии, именуемой государственной границей СССР.

Вот только плохо, что визуально не перекрыты все подходы к дому. И не выставишься никак поближе. Но приходи-

лось мириться с этим и исходить из того, что нормальные люди все-таки ходят по мостовой, а не по заснеженным кустам и буеракам.

Вскоре совсем стемнело. По прочно укоренившейся привычке скорняк работал по ночам. Значит, сейчас в окне дощатого одноэтажного хлипкого домика загорится свет. И будет светить ровно до трех утра. А потом погаснет. Этот распорядок фигурант соблюдал всегда. Бывают такие сумасшедшие перфекционисты, которые живут строго по расписанию...

Волна беспокойства накатила на Палыча, когда окошко вовремя не засветилось. Что, нет скорняка дома? Тогда бы увидели, как он вышел. Установленный порядок был нарушен. А это означало нарастание каких-то событий.

– Непорядок, – произнес он.

– Может, откушал самогончику, – мечтательно произнес Вася. – Заел сальцом, – при этом он едва не причмокнул. – Да дрыхнет безмятежно, как младенец.

– Тебе бы только самогончик с салом, – буркнул Палыч. Тревога в нем все росла и уже не могла удержаться в рамках пассивности и созерцания. Она требовала выхода, действия.

– Вот что, посылай-ка Куницу, пусть слетает. Глянет, что в доме.

– Ты уверен? – с сомнением произнес Вася. – Засветимся ведь.

– Выполнять, – металлическим голосом произнес Палыч,

сбрасывая мишуру и открываясь тем, кем и был – жестким чекистом, способным на отчаянный поступок и готовый ко-
стьюми лечь ради выполнения поставленной задачи.

– Есть, – кивнул Вася, понимая, что шуточки-прибауточ-
ки закончились.

Да уж, какие тут шуточки. Агент Куница, подобравшись к
дому, умудрился заглянуть в окно. И увидел лежащее в луже
крови тело. Крови было много. А тело, как пишут в прото-
колах, принадлежало фигуранту «Меховщику» – в миру Па-
рамону Кущину.

То, чего наружка боится больше всего. Чрезвычайная си-
туация. Гибель объекта. И провал.

Все, здесь разведчикам больше делать нечего. Разве толь-
ко негласно проконтролировать местность, пока не прибудет
группа и пока инициатор мероприятий не даст распоряже-
ние...

Глава 2

Что для солдата главное? Поспать и пожрать. А поскольку все мои лучшие сознательные годы прошли в Красной армии, то простые солдатские премудрости стали моей истинной натурой. Поэтому ел я всегда со вкусом все, что дают, а спал сладко, со всей ответственностью и добросовестностью. И при этом чутко. Способность включаться в реальность в доли секунды не раз спасала мою шкуру.

Вот и сейчас я включился моментально. И тут же осознал источник беспокойства. Кто-то упорно трезвонил в дверь, дергал за шнурок, так что в ушах звенело. Это определенно был враг. Друг не станет будить в три часа ночи, когда сон наиболее сладок.

Сын-кроха даже не проснулся – ему на превратности внешнего мира просто плевать. Он пока что маленький, счастливый и от опасностей окружающей действительности надежно огорожен нашими родительскими заботами. Варя, измотанная тяжелой работой в клинике и учебой в институте, заворочалась, но тоже не проснулась. Вот умеет она спать самозабвенно и непробиваемо.

Слава богу, звонок на некоторое время заткнулся. Но зазвенит ведь вновь. И очень скоро. Надо это пресечь, пока совсем не прогнали сон из этого дома.

Я вытащил из тумбочки мой старый верный «наган». Су-

нул ноги в пушистые тапочки – любимые, мягкие и просто необходимые, потому что топился наш подвал с трудом, полы холодные, босиком не находишься. И устремился к двери. В комнате было сегодня особенно зябко.

– Кого черт принес? – негромко осведомился я у двери.

– Товарищ Большаков! Вас вызывают, – послышался знакомый голос бойца из комендатуры Областного полномочного представительства ОГПУ.

– Что стряслось?

– На Разуваевке кого-то порезали. Группа уже там. Только вас не хватает.

Сердце ёкнуло. Кого-то прирезали на Разуваевке... Там, вообще-то, мной выставлена группа наружного наблюдения. Неужели из наших людей кого зацепили? Но комендача об этом спрашивать бесполезно.

Оделся я быстро. Когда натягивал пальто, все же проснулась Варя. Естественно, привычно обеспокоилась и опечалилась. Пришлось ее привычно успокаивать:

– Да ничего особенного, дорогая моя. Просто кого-то где-то подрезали.

Она слегка успокоилась. Потому что привыкшая и опытная. Все же жена сотрудника ОГПУ, притом повидавшая много, не раз была на грани, втянувшись в мои чекистские забавы. И отлично знала: если кого-то подрезали, то факт уже состоялся и начинается расследование. Вот если бы какой кулацкий бунт или контрик засел во флигельке с пуле-

метом «максим», как в позапрошлом году – тогда да, есть смысл волноваться. А здесь она провожала меня не на бой, а всего лишь на осмотр места происшествия. Тревожиться не о чем... И все равно тревожилась. Но виду не показывала. Лишь только тщательно поправила ворсистый шарф на моей груди:

– Смотри не застудись. Вон холод какой.

Карету мне к подъезду не подали, жмоты. Хотя до полпредства идти минут семь-восемь быстрым шагом.

Ох и колотун сегодня. Осень скачкообразно перешла в зиму. Холодный ноябрь 1933 года. Как же мне тяжело, тепленькому, мягенькому, после пуховой постели, под порывами ледяного ветра и под гнетом неопределенности.

У полпредства уже ждал наш дежурный автобус «АМО». Около него мерзли судебный медик и криминалист – оба со своим профессиональным скарбом в объемистых саквояжах. Также мерил мостовую шагами, как тигр в клетке зоопарка, Ваня Кочетков, мой верный подчиненный, который как раз дежурил ночью этой по управлению и был в курсе агентурной разработки «Сурки».

Ждали только меня. Автобус тронулся по холодному, местами освещенному желтыми фонарями городу, казавшемуся ночью почти незнакомым. Это был не город, а какая-то декорация, ждущая своего театрального представления и публики, а сейчас совершенно пустая и безлюдная.

Автобус пару раз чуть не занесло на гололеде. Но до цели

мы все же добрались успешно и довольно быстро. В курс дела вошли еще быстрее.

Все оказалось не так плохо, как я опасался – слава богу, никто из группы наружки не пострадал. Но вместе с тем все было куда хуже, чем должно быть. Потому как на дощатом полу в луже крови валялся объект агентурной разработки «Меховщик».

Человек на полу меньше всего походил на мастерового кустаря. Все же породу не скроешь. Телосложение худощавое, лицо породистое, удлиненное, руки хоть и мозолистые, но это не те мозоли, что нарабатываются поколениями тяжелого физического труда. Такие скорняки весьма редко встречаются. Зато подобных типов полно среди белогвардейских офицеров. Каковым он, собственно, и был в свое время. Просмотрели мы, что в нашем городе свил гнездо бывший сотрудник контрразведки Врангеля. Он не только успешно скрывался под чужой фамилией, вполне качественно выполнял скорняжные работы и прославился хорошим мастером, к которому очередь. Но между обработкой шкур организовал в городе контрреволюционную ячейку из разного белогвардейского отребья и уголовного элемента.

Информация о контрреволюционной ячейке террористической и вредительской направленности поступила нам из Москвы и была получена, насколько я понял, по линии иностранного отдела. Как следовало из нее, активной деятельностью эта шайка пока не занимается. Сейчас завершается

этап вербовки сторонников и укрепления структуры. К ней направляется эмиссар из самого города Парижа, формально от организации «Русь Без Хама», из белоэмигрантов и прочих радетелей за былое величие России. Хотя за «РБХ» сто процентов стоят разведслужбы Третьей республики. Вот нейметя все французам. Все грезят о том, что большевики падут, а на их место придут послушные и вежливые русские мусье да и вернут с процентами царские долги, а заодно отдадут и половину России в концессии.

Разработку эту мне всучил мой любимый замначальника полпредства Раскатов, при котором я был как бы руководителем его личной спецгруппы, эдаких гвардейцев кардинала, которым доставались самые безнадежные или особо изоциренные дела. При этом поручение он сопровождал своим вечным: «Все равно ни хрена не делаешь. Хоть на Москву поработай».

Так уж у нас повелось – чем глубже утопал я в работе, тем больше, по его понятиям, «ни хрена не делал». Но я привык. Вот и из этого «ни хрена неделанья» постепенно проявилась контрреволюционная организация.

Хотя операция была на контроле у Москвы, но мне казалось, там не особо верили в ее успех. Видимо, информация была такая – не то чтобы ложная, но и особого доверия не вызывала. Однако все у нас получилось. Нашли мы фигуранта. Поставили его под контроль. Надеялись дожидаться и французского эмиссара.

Пока эксперт с медиком возились с телом, мы с Кочетковым отошли пошептаться.

– Похоже, наружка прокололась, – негромко произнес он, ибо такое не для посторонних ушей. – Кто-то засек наблюдение. И грохнул этого сапожника.

– Скорняка, – поправил я.

– Да мне все одно! Главное, теперь не он шкуры дырявит, а его шкура пропорота.

– Думаешь, эмиссар постарался?

– Скорее всего... Могли, конечно, и свои. Или ревнивый муж какой-нибудь. Но мне кажется, все же его нашампурил какой-нибудь шустрый Д'Артаньян.

– А чего сразу убивать? – недоумевал я. – Ну срисовал наблюдение. Понял, что контакт под колпаком. Собери вещички и дуй себе до города Парижа. Зачем привлекать лишнее внимание и рисковать?

– Значит, боялся, что шкурника скорняка возьмут. И он запоем какую-то арию, какую нам слышать не надобно... И вон еще.

Кречетов провел меня в крошечную вторую комнату. На полу доски были вскрыты. Под ними был тайник – небольшой, как раз чтобы хранить бумаги и оружие. Оружие – «маузер», «беретта» и несколько пачек патронов – осталось на месте. А вот бумаги и деньги если и были, то исчезли.

Вспыхнула молния... Тьфу, какая молния. Всего лишь магниевая вспышка. Эксперт фотографировал место проис-

шествия.

– Орудие убийства можете определить? – спросил я старомодного судебного медика с бородкой.

– Холодное оружие, – произнес медик, поднимаясь и играя пальцами в резиновых перчатках, будто собирался на месте препарировать тело. – Но не нож. На шило похоже, только очень толстое. Удар нанесен, когда жертва пребывала, скорее всего, в расслабленности и такой подлости не ждала. Удар хорошо поставленный. И очень точный. Тут такой узел, при ранении человек моментально теряет возможность двигаться и даже кричать. Болевой шок.

– Били профессионально?

– Еще как, – с уважением произнес эксперт. – Шило вообще инструмент сложный в употреблении. В большинстве случаев так в тело войдет, что человек и не побеспокоится, пока внутри кровью не начнет истекать. А отключить им сразу очень тяжело. Но, обладая навыками, можно, притом очень надежно.

Вот интересно. Бой на ножах есть, даже в армии ему обучают в некоторых особо хитрых подразделениях, вроде пластунских. А где обучают бою с использованием шила? Даже хмыкнул, представив такую программу обучения.

И где нам искать этого специалиста «шилового боя»? Город больше полумиллиона человек. Транспортный центр. Народу приезжает и уезжает масса.

Пока я рассматривал место происшествия и беседовал со

специалистами, Кречетов куда-то исчез. Вскоре вернулся. Поманив меня снова вдаль от посторонних ушей, порадовал новостью:

– Разведчики видели, что некто крутился на улице около дома.

– Внешность?

– Не рассмотрели в подробностях. Только фигура. Солидная такая. На медведя похож. Ну прям вылитый ты.

– Тогда похож на бегемота, – хмыкнул я.

И задумался на миг, засмотревшись на криминалиста, который как раз снимал фотоаппаратом отпечаток ботинка. Снова вспыхнул магний.

Убийца наступил в кровь. И около тайника как раз отпечаталась подошва размера так сорок четвертого. Солидная подошва. Вполне мог оставить след тот самый «бегемот».

– Неосторожно он, – отметил я. – Вань, на рисунок подошвы посмотри.

– Рисунок как рисунок.

– Встречал такой. Ботиночки «нариман». Мечта нэпмана. Дорогие, зараза.

– Точно, – подтвердил подошедший к нам криминалист. – Ботиночек московской обувной фабрики, фасон в простонародье называется «нариман». Рисунок соответствует. Щеголь. Даже галоши не надел по погоде.

– Понятно. Ботиночки со скрипом... И что это нам дает? – поинтересовался Кречетов.

– Ваня, ты подумай. Щеголь. В редкой обуви. Похож на бегемота. Покинет город в ближайшее время. Поездом, скорее всего. Вот и выставимся по маршруту его отхода...

Глава 3

– Отпусти, мусор! Я не виновный! – послышался истошный вопль.

В чем дело? А, понятно. У рассеянного гражданина ненароком из кармана тиснули портмоне. И теперь бдительный милиционер крепко держал мелкого шкета, который отчаянно вырывался, дико орал и призывал к пролетарской справедливости.

Народ возбужденно галдел, проклинал наглого карманника или, наоборот, требовал отпустить невинное дитяtko. Дело обыденное. Тут вам не художественный театр и не дворянское собрание с чинной публикой. Тут вам железнодорожный вокзал – сосредоточение самых бурных страстей, самых потаенных надежд, планов, а еще концентрация философии жизни и движения.

Эх, Россия-матушка. Ты не только бескрайние поля, леса и заводские трубы в городах. Ты в не меньшей степени железная дорога, которая связывает самые отдаленные земли и которая не замирала ни на миг даже в самые тяжелые периоды Гражданской войны. Военные эшелоны исправно несли мимо полей сражений уголь, зерно. А заодно и население, шарахающееся по всей стране в поисках лучшей доли.

А вокзалы – это такие опорные столбы железной сети. Время не слишком властно над ними. Они становятся с го-

дами лучше или хуже, но никогда не меняются кардинально. Вечные сутолока и многолюдье, кажется, угнездились в них до конца времен. Или до конца самой железной дороги, когда человечество полностью перейдет на более совершенные виды транспорта, например, на дирижабли.

Толкотня – это палка о двух концах. С одной стороны, можно затеряться и не отвечивать, незаметно осматриваться и приглядывать. С другой – в такой толкучке легко не заметить объект.

– Раз, два, левой! – браво восклицал красный командир.

По перрону толпой, отдаленно напоминающей строй, прошествовала к теплушкам военного эшелона команда РККА. Она легко рассекала гражданскую толпу, как ледокол весенний лед.

– Четче шаг! Выше ногу!

Это едет пополнение в территориальные дивизии на сборы. Аж ностальгическую слезу выжали. Лагеря, стрельбы. Эх, вот это жизнь!

Крутятся по огромному, гулкому, со сводами, напоминающему готический собор помещению вокзала беспризорники, шуруют по платформам. Их в связи с продовольственными затруднениями расплодилось невероятное количество. А еще мельтешат толпы крестьян, куда-то вечно движущихся за призраком сытой беззаботной жизни. Еще недавно, когда голод гнал их из села, на вокзалах и станциях стояли заслоны из комсомольско-партийного актива и сотрудников ОГПУ,

заворачивали бегунков назад, на колхозные поля. Вынужденная мера, ведь понятно было всем: если сорвать сев и уборку урожая, то голод сожрет страну. Ничего, справились. Ситуация выправилась. Драконовские меры отменили. По сравнению даже с серединой текущего года количество беспризорников, крестьян и бродяг сильно поубавилось...

Это искусство – оглядываться внимательно и чутко, да еще так, чтобы все считали, что ты просто рассеянно скользишь взором. Если объект заметит внимание к его порочной персоне, ощутит проткнувший его острый чужой взор – тогда последствия могут быть самые непредсказуемые. А лихая перестрелка на городском вокзале вряд ли украсит мое личное дело. Мне же еще большую карьеру делать.

Впрочем, об этом пока рано думать. Сколько ни оглядываюсь окрест себя, кроме железнодорожных воришек и бродяг, никого, заслуживающего моего чекистского внимания, не нахожу.

Я покрутился около вокзального буфета, который работал, несмотря на продзатруднения. Правда, ассортимент уже не тот, как бывало в разгар НЭПа – тогда здесь выставлялись и три вида осетрины, и икра, и пироги, все вкусно и приятно, только по карману это было одним нэпманам. Продзатруднения внесли свои коррективы – даже от ассортимента двухгодичной давности не осталось ничего. Теперь за счастье черствые бутерброды неопределенного содержимого, жидкий чай. И водка – куда без нее. Это концепция такая

у железнодорожников сложилась. Когда начались массовые пищевые отравления в вокзальных буфетах, в Наркомате путей сообщения какой-то умник предложил обеззараживать посетителей дешевой водкой, так что половина пассажиров падала на вагонные полки уже в невменяемом состоянии.

Вот и сейчас в буфете водки было много, продуктов мало, цены зашкаливали. Несколько очень ответственных товарищей в бобровых шапках тщательно и усердно пережевывали бутерброды за стоячими столиками.

А вот знаменитого вокзального ресторана теперь нет. Преобразован в столовку, где отоваривают исключительно по продовольственным карточкам. Время ресторанов прошло.

Все приглядываюсь и приглядываюсь. Ау, эмиссар, где ты? Может, по громкоговорящей связи, объявляющей сейчас прибытие поезда, попросить его зайти в железнодорожную милицию?

Где же ты, гость заезжий? Где-то ведь должен быть рядом.

Изначально наиболее реалистичными казались нам два варианта. Шпионская морда может затаиться где-нибудь в городе. В Дом колхозника, конечно, не заселится. Как и в единственную гражданскую гостиницу напротив облсовета. Скорее всего, снимет угол где-нибудь в укромном частном секторе. Но куда более вероятно, что он двинет прочь из наших краев.

Город мы перекрыли плотно. На выездах выставились на-

ши сотрудники. Военные выборочно проверяли машины, а также рейсовые автобусы, запущенные в прошлом году до райцентров.

Еще можно выбраться аэропланом. Недаром даже на железнодорожном вокзале красуется прямо передо мной плакат «Летайте самолетами Гражданского воздушного флота СССР». Почтовые рейсы тянутся с нашего небольшого аэродрома в черте города уже лет десять, а с прошлого года функционирует и пассажирская линия. Аэропланы тоже мы проверяли, но без особой надежды. Какой беглец в здравом уме воспользуется таким экзотическим видом транспорта, где каждый испуганный до трясучки предстоящим полетом пассажир находится в поле зрения? Нет, вражине нужно столпотворение. Нужно раствориться среди людей и не привлекать к себе внимания. Так что готов поклясться на томике Маркса – Энгельса, что он решит сдернуть по «железке».

По времени после того, как было совершено убийство, еще ни один пассажирский поезд не ушел с вокзала. Правда, эmissар мог попытаться просочиться в товарняк, но тут мы тоже кое-какие меры приняли. Зато через сорок минут скорый поезд на Москву. Хороший такой поезд, гордость местной железной дороги – со всеми классами, от третьего народного до мягких буржуйских вагонов. Только плати, и гарантированы все удобства, даже чай в купе. Только вагона-ресторана, как в поезде Москва – Ленинград, пока нет, но все в будущем. Когда все наладится и останется лишь в недоброй

памяти этот чертов голод...

Я все прогуливался, пялясь на афиши и объявления. Фла-нировал беззаботно мимо камеры хранения, откуда пассажи-ры вытаскивали и куда затаскивали объемистые чемоданы, сумки, корзины, деревянные сундучки, баулы. Какая-то да-ма пыталась сдать на хранение свою пушистую персидскую кошку. Кошка мяукала. Приемщик сдерживался, чтобы не материться. Народ дивился. Господа ротозеи, успокойтесь. Это же вокзал. Глупые и анекдотичные казусы здесь вшиты в самую природу места.

Я усмехнулся, глядя на это представление. Да так улыбка и застыла на моих устах. Потому как за дамой с кошкой стоял Он.

Это уже потом я оценил детали внешности, приметы. А тут будто током дернуло – вон он, искомый индивидуум. Гость из Парижа и мастер «боя с шилом».

Тут же я отвел взор. Потом, как бы невзначай, рассмотрел объект в подробностях. Действительно, бегемот – телосло-жение солидное, со мной вполне может поспорить. Пальто дорогое, из коричневого габардина. Вместо меховой шапки, которая уместнее в разрезе грядущих морозов, плотная тем-но-коричневая шляпа. И главное – туфельки он не менял. Те самые «нариманы» – светло-коричневый верх, черные лаки-рованные носки и запятники. Смотрятся просто вызывающе на фоне шаркающих валенок и галош.

Тетку с кошкой отправили восвояси. После чего гражда-

нин из Парижа, который позже пройдет по нашим оперативным документам как фигурант Француз, получил по квитанции массивный кожаный чемодан. Отойдя от очереди, поставил его на пол. Снял шляпу и вытер белоснежным платком пот с круглой массивной лысой головы. И как бы невзначай огляделся – быстро, мимолетно и остро. Кто другой и не насторожился бы, но у меня засосало под ложечкой. Слишком хорошо я знал такой взгляд. Этот человек оценивал ситуацию, прикидывал свои действия и ждал подвоха. Он страховался.

Сомнения мои последние развеялись, как утренняя дымка. Это был он. Эмиссар из Франции. Теперь вопрос, как его найти, замешался проблемой – что с ним делать?

Ребята, которым я подал условный знак, все поняли ментально. И кинулись копать, как кроты, – незаметно, но глубоко и широко.

Через четверть часа я уже знал, что фронт в шляпе взял билет в мягкий вагон до самой столицы. Через двадцать минут прозвучит гудок – и вперед, в Москву, как мечтали чеховские сестры, да так и не добрались до нее. А Француз рассчитывает добраться. Ну а на что рассчитываем мы?

– Что делать будем? Берем его? А если волына у него на кармане и пальбу откроет? – озвучил мои же опасения Кречетов. – Ему забава, а с нас потом головы снимут.

– Это как раз не проблема. И не таких медведей заламывали, – сказал я, уже прикинув, как подобраться к фигуран-

ту и сшибить его с ног одним молодецким ударом ладони – проделано мной такое не раз и на более увесистых тушах.

Но трудность не в этом. Помнил я отлично указание из Москвы. Объект не задерживать. Проводить. Держать под контролем. Брать только в крайнем случае.

А у нас случай крайний? Или не крайний? Вопрос дискуссионный. Но мне нравится больше идея – поиграть.

– Эх, давненько я в Москве не бывал, – сказал я. – И совсем не прочь проехаться в мягком вагоне...

Глава 4

– Здравствуйте, товарищ, – приятным баритоном произнес возникший на пороге купе мужчина, оглядывая меня и наше общее место обитания сроком почти на двое суток.

– Здравствуйте, – как можно шире и наивнее улыбнулся я. В такие моменты морда у меня дурацкая, безобидная, и я горжусь этим. Главное – составить о себе первое впечатление. Так тебя и будут воспринимать дальше, если только сильно не постараться это впечатление рассеять.

– Соседями будем, – сказал человек, да какой там человек – заграничный эмиссар, он же Француз, затаскивая чемодан в купе и закидывая его наверх.

– Добрыми соседями, – еще шире улыбнулся я. – Времена теперь такие – нам каждый советский человек добрый товарищ. И даже брат.

Стянув пальто и шляпу, попутчик уселся на мягкий диванчик и поинтересовался:

– Из комсомольского актива будете?

– А как же! – крикнул я удовлетворенно.

Ну что, с гордостью отмечаю – пока маскировка удастся на славу. Дурашливо-возвышенное выражение на лице просто сигнализировало – перед вами активный профессиональный комсомолец.

– В Москву вот обком комсомола послал, – продолжил

я бодро. – Готовимся к семнадцатому съезду партии. Весь комсомол ждет путеводного направления от наших рулевых. Событие ведь предстоит великого мирового значения. Всем готовиться надо.

– Это верно, – кивнул благосклонно собеседник.

У него были ласковые умные глаза, широкие скулы и до синевы выбритый массивный подбородок. Внешне и всем стилем поведения он вызывал расположение и симпатию. Годков ему было, наверное, тридцать пять, а может, и больше – трудно определить возраст у таких вот ухоженных, не знавших тяжелого физического труда.

– На наших глазах делается история, – добавил он.

Мне показалось, что в этих его словах прозвучали нотки, которые обычно легко вибрируют, когда в сказанное вкладывают двойное значение.

Нетрудно догадаться, что сильно не любит он наши съезды. И нас не любит. А еще – его душат эмоции. Прорываются они, как тот злой оценивающий взгляд, которым он обдал окружающий мир у камеры хранения. Эх, надо ему было в свое время побольше над собой работать. А теперь уже поздно пить минералку, когда почки отказали.

Все же я горжусь, как мы быстро провернули дельце. Доставили в милицию для выяснения личности упитанного и важного чиновного гражданина, имевшего плацкарту в это самое купе. Сотрудники транспортного ОГПУ тут же переписали его билет на меня. Заодно в отделе милиции для

солидности я получил завалившийся там бесхозный чемодан, набитый тряпками. Потому как без чемодана в поезд не положено. Это все равно что написать себе на лбу: «Я из ОГПУ! Меня к тебе подвели!» В общем, все сделать успели, и в купе я очутился за пару минут до Француза.

– А мы по торговой части. В одной архангельской снабженческой конторе... Голод отступает. Торговля развивается. Открывается простор для знатоков своего дела. А я такой. С хорошей школой кооперативной торговли... Кстати, меня Александром Николаевичем зовут, – он протянул мне руку.

Рукопожатие у нас вышло крепким, но без излишеств и демонстрации молодецкой силушки – именно такое, как положено между воспитанными людьми.

– Я тоже Саша, – обозначился и я.

– А по отчеству?

– Александр Сергеевич... Вы наверняка скажете – как Пушкин.

– Не скрою. Была такая мысль.

– Так меня это не смущает. Наоборот, горжусь...

В общем, зацепились мы языками легко и непринужденно. Мило так, по-соседски. Хорошо было бы в такой располагающей обстановке довести шпиона до Москвы и там передать под контроль местных коллег. Телеграммы соответствующие уже туда ушли. А еще лучше самому посмотреть, как будут развиваться дальнейшие события. Но к этому ме-

ня вряд ли допустят. Сделал свое дело и отойди в сторону – у нас так принято.

Уютно стучали колеса. Мелькали за окном станции и полустанки. Мы накупили у разносчиков прессы свежие и не совсем свежие газеты – чтобы до конца пути хватило.

– В дипломатическом ведомстве СССР прошла встреча, посвященная установлению Советским Союзом дипломатических отношений с Северо-Американскими Соединенными Штатами, – читал вслух Александр Николаевич газету «Правда» и тут же бросался горячо комментировать данную новость: – Что, заела американцев Великая депрессия! С голодухи поползли по миру кусочек хлеба клянчить. А какие непримиримые еще недавно были – мол, коммунизм не пройдет. У нас же ныне индустриализация и подъем. Мы их нищих и голодающих инженеров всех пристроим, до единого. Да и добрая торговля с янки не помешает. Все-таки они в технике известные мастаки.

– Именно так, – соглашался я. – Историю не обманешь. Рано или поздно империалисты рухнут. А мы поднимемся. Логика исторического процесса.

– Красиво сказали, – оценивал мои слова Француз и замолкал на некоторое время.

Вычитав заметку о пуске металлургического завода «Запорожсталь» имени Орджоникидзе, он начинал упорно топить за индустриализацию, которая покажет проклятому Западу, кто на этой земле хозяин. Я, понятное дело, поддаки-

вал, тем более собеседник говорил истинную правду. Похоже, он сам верил в свои слова и говорил искренне. Как законченный, но информированный враг, он не мог не понимать реального величия происходящих перемен и того, как изменят они всю мировую конфигурацию. И, как большинство его соратников, наверняка полагал, что с Советской Россией надо покончить до того, как она наберет всю свою мощь и станет неприступной.

В наших разговорах, часто опускавшихся до легкой фривольности, я как бы по секрету озвучивал скабрёзные сплетни про комсомольские дела, благо подобной информации по роду службы было полно. Значительную часть комсомольского актива, с учетом его молодости, как электромагнитом тянуло к гулянкам и разврату, за что молодежь постоянно чистили и партийные товарищи, и мы. Один агитационный пароход «Богоборец» вспомнить, который столько нервов стоил и ОГПУ, и обкому ВКП(б).

По ходу поездки я даже как-то расслабился. И лениво присматривал за клиентом. Моя задача в этом и состояла, и обязанность была, в общем-то, необременительная. Через одно купе расположилась моя подстраховка. Это на крайний случай. Если я как-то проколюсь и ситуация выйдет из-под контроля. Но пока я предпосылок к такому развитию событий не видел. В общем, не работа, а сплошной отдых.

Незаметно подкралась ночь. Проводник принес белье и самолично расстелил его. Все ж это мягкий вагон, для важ-

ных персон, а не сидячее место в третьем классе.

– Отлучусь-ка на минутку в укромное место. – Я отложил газету «Труд» и поднялся из-за столика.

Француз понимающе кивнул. А я отправился в туалет, около которого на сей раз никто не толкался. Так что я спокойно смог умыться перед сном и полюбоваться в мутном зеркале на свою наивную физиономию.

А когда вернулся в купе, то шкурой ощутил, как в воздухе запахло электричеством. Хотя внешне ничего не изменилось.

– Ну что, будем спать? – спросил я.

– Нет ничего лучше доброго сна под стук колес, – улыбнулся Француз. – Только давайте закроем окно.

В узкую щелку приоткрытого окна пробивался прохладный воздух. Топить в вагоне стали слабее, и лучше его прикрыть накрепко, чтобы не замерзнуть ночью.

– Вы не подсобите? А то моих силенок не хватает, – извиняющимся тоном произнес попутчик.

Насчет нехватки его силенок что-то сомневаюсь. Но окна в вагонах и правда настолько тугие, что совладать с ними только спортсмены и могут.

– Сейчас сделаем! – с молодецким энтузиазмом воскликнул я.

Придвинулся к окну, чтобы закрыть его могучим рывком. Тесное все-таки купе. Трудно разминуться, притом двум таким тушам, как наши.

Француз встал, пропуская меня к окну. И оказался у меня за спиной. Сочувственно поинтересовался:

– Может, вам помочь?

– Справлюсь, – я с трудом приподнял вверх тугое окно.

Тут Александр Николаевич, сволочь такая, ударил меня шилом в спину...

Глава 5

«Вот пуля просвистела, и ага», – как поется в старой военной песне. Можно теперь было добавить: «Вот шило просвистело, и товарищ мой упал».

Задумка была безошибочная. Я тянусь закрывать окно. И подставляется под удар моя мощная атлетическая спина. И сколько бы мышц и жира на нее ниросло, все равно шило пропорет. Тем более вражий удар отработан до автоматизма и ювелирной точности – так судебный медик говорил. Ментальный паралич. Даже вскрикнуть не успеешь.

В общем, шило пролетело... И товарищ не упал. Товарищ в моем лице ощутил не раз спасавшее ледяное дуновение смертельной опасности. И необычно ловко и быстро изогнулся, что в царящей тесноте было очень проблематично. Но жить захочешь, еще и не так раскорячишься. Острие только слегка поцарапало бок.

Продолжая вращательное движение, локтем я что есть силы засветил по лысой башке эмиссара. И гарантированно снес его на только что застеленную свежим бельем нижнюю полку.

Не перестарался? Не прибил?.. Нет, дышит, паскудник. Хотя и без сознания.

Не теряя времени, бечевкой, которую всегда ношу с собой на подобные казусы жизни, связал могучие руки. Полотенце

вполне сошло для кляпа – главное, слишком глубоко не засунуть, чтобы ненароком не задохнулся.

Нагнувшись, нащупал ладонью улетевший под полку инструмент, которым, скорее всего, ранее поработали над несчастным виновно убиенным скорняком.

Подбросил оружие на ладони. Хорошая штучка. Удобная костяная рукоятка. Легкое движение пальцем, и из ее середины вылетает длинное острое толстое шило. Пропускаешь лезвие между пальцами, сжимаешь кулак и бьешь, как кастетом. Конечно, сноровка должна быть, чтобы выключать таким орудием с одного удара. И она у Француза присутствовала.

Интересно, как он меня расколел? Ведь нормально же ехали. По-доброму общались. И что за черная кошка между нами пробежала столь не к месту и не ко времени?

Я огляделся вокруг. И заметил, что мой фибровый чемодан, который покоился на верхней полке, немножко сдвинут. Чуть-чуть, но я такие моменты запоминаю четко. Потому как рядом враг и детали надо замечать – если с ними дружить, они отлично сигнализируют об опасности.

Понятно, что эмиссар, умело вскрыв простенький замочек, нагло копался в моем чемодане, пока я мирно умывался в вагонном сортире, раздумывая, где бы достать зубную щетку и порошок.

Что же его так насторожило? Я потянул к себе чемодан. Открыл его. Встряхнул содержимое. И смачно выругался.

Там в числе прочего барахла бесстыдно приковывали взор самые интимные предметы женского туалета, притом определенно ношенные, а также духи «Новая заря» государственного мыльно-парфюмерного завода номер пять. Да, это явно не чемодан активиста и комсомольца. Если, конечно, тот не фетишист – есть такое буржуазное слово, относящееся к сфере сладкого разврата и постыдной раскрепощенности.

Ну что тут скажешь. Только по лбу себе ладонью стукнуть. Мне еще на чекистских курсах говорили умные учителя: «Сыпятся чаще не на крупном, а на мелочах». Это касается не только легенды внедрения, но и совсем простых вещей. Приводили в пример, как в Европе засыпался агент иностранного отдела. В его номере местные контрразведчики устроили негласный обыск – там всех так обыскивали. И тут же наткнулись на модельные ботиночки со штампом «Хозобеспечение ОГПУ». А тут похлеще будет – глянешь в чемодан, и даже без штампов ясно, что дело нечистое. И что сосед по купе или вор-майданщик, специализирующийся на кражах чемоданов в поездах, или чекист. Чекист – оно более вероятно. И куда опаснее.

Одно мне непонятно – чего сразу на людей бросаться? Ну втихаря, посреди ночи, сошел бы на полустаночке, бескровно и беззвучно. Хотя, может, ему просто нравится тыкать своим шилом по первому подозрению? Я же говорю – разведчиков губят излишние эмоции.

Связав пленного покрепче и убедившись, что он все еще

в отключке, я метнулся стрелой в соседнее купе и пригласил к себе Кречетова. Предъявил ему связанный, упакованный и бессознательный сюрприз.

Мой подчиненный был озадачен. А когда узнал, на чем мы прокололись, обидно и ехидно загоготал:

– Фетишист, говоришь.

И заржал еще обиднее. Ну вот так оно, доводить до боевых товарищей новые слова и смыслы. Тебя же ими потом и отхлестают.

– Кончай веселиться, – буркнул я. – Тут тебе не синема. Лучше умищем раскинь, что нам делать.

– А что, есть варианты? На ближайшей крупной станции сдаем эту тушку в отдел ОГПУ. Или до Москвы возем и уже там сдаем. А потом умываем руки. Гуляем по столице. И едем обратно.

– Не, так не пойдет, – возразил я. – До Москвы его расколоть надо. Посмотрим, что он скажет и как себя вести будет. Из этого и будем исходить.

– А стоит? – с сомнением посмотрел на меня Кречетов.

– Думаю, да. Это же кладезь информации. Мы нашли сундук с золотом, а ты даже не хочешь его приоткрыть.

– А золотко наше очухалось, – кивнул на пленного Кречетов.

И правда, Француз пришел в себя и теперь дико глядел на нас выпученными глазами. Потом он замычал, что-то стремясь донести до наших ушей, что с кляпом во рту непросто.

Эх, чувствительный шпион ныне пошел. Общался я ранее с некоторыми представителями зарубежных разведок в момент их феерических провалов. Те по большей части были позерами. И всегда строили хорошую мину при плохой игре. А этот – ну просто бык с налившимися кровью глазами, того и гляди лопнет от избытка чувств и бессильной злобы. Но оно ведь и хорошо. С такими легче.

Никуда мы его везти не стали. Поезд как раз тормозил у полустанка. Ночного, захолустного, непонятно, зачем здесь вообще останавливаться скорым. Но для нас место подходящее.

Так с кляпом и провели мы пленного мимо проводника, которому, угрожая всеми карами ОГПУ, повелели откусить себе язык, а заодно и закопать память. Не было ничего. Не видел. Не знает. И не скажет. Проводник проникся.

На платформе стоял станционный смотритель, или как они называются, с сигнальным жезлом в руках. На нас он внимания особого не обратил. Стоял, дремотно покачиваясь и рискуя заснуть стоя или рухнуть, как сноп под порывом ветра, прямо в объятия Морфея. Правильно, ночь же на дворе, приличные люди давно спят. А не такие приличные, вроде нас, тянут куда-то пленного на откровенный разговор.

За полустанком очень удачно расположились крутой склон, овраг, внизу которого текла речушка. Там же были камешки, осока и прочие радости сельской жизни. Главное, до населенного пункта не донесутся крики, ежели в них бу-

дет необходимость.

Туда мы и направились, освещая свой путь карманным фонариком. Эту английскую игрушку Кречетов всегда таскал с собой. И теперь она нам сильно пригодилась – без нее в овраге можно было переломать ноги.

Нашли ровное место. Усадили на землю пленного. Там я и вытащил кляп из его рта.

Это как затычку вытащить из бочки – тут же наружу хлынет ее содержимое. Чем бочка полна, то и польется. Тут полились нечистоты в виде отборных ругательств. Даже неприятно как-то. Вроде интеллигентный человек благородной профессии. И такой низкий язык.

Кречетов даже обиделся, когда стали расписывать в грубой форме его родословную. Он умело и болезненно ткнул пленника сапогом по ребрам со словами:

– Заткнулся, шваль.

Потом добавил еще разочек – не по злобе, а чисто для вразумления и закрепления условного рефлекса. Пленник заткнулся. Значит, рефлекс у него работают. И он боится. Во всяком случае, опасается еще раз получить по ребрам – их не так много, на всех недоброжелателей не напасешься. Ну а нам его страх на руку. Мы за него как за ниточку потянем.

– Ты зачем меня пришить хотел, пень еловый? Сойти тихо не мог? – поинтересовался я, присаживаясь на колени. Кречетов же посветил фонариком в его бесстыжие глаза.

Я думал, этот тип начнет сейчас петь сладкоголосую песнь

о том, что принял меня за вагонного вора и бандита, поэтому чисто в целях защиты, обороны, наведения вселенской справедливости и счастья напал на меня со спины. Ну или на крайний случай сочинил бы, что он сам вор, хотел завладеть чемоданом. Главное, что он не враг народа, и претензии к нему только у милиции, но никак не у ОГПУ. Однако заморачиваться он не стал, потому как понимал, насколько это бессмысленно. И просто объявил:

– А чтобы одной чекистской мразью меньше стало.

– То есть ты мой личный враг, – удовлетворенно отметил я. – Будем исходить из этого... К делу. Вопросы обычные, стандартные, сам их знаешь. Имя, организация, явки, задание, агентурная сеть, пути заброски в СССР. Расскажешь тихо и спокойно, по-домашнему, как добрый враг своему близкому врагу?

– Ничего ты от меня, чекистская мразь, не добьешься, – прохрипел Француз.

– Знаете, мой добрый друг, – наш отец-основатель Дзержинский был категорически против радикальных методов дознания. Осуждал рукоприкладство и был, конечно, прав. Вот только обострение классовой борьбы, кулаческий бандитизм и повсеместное вредительство давно списали нам этот грех.

Мне всегда как-то неудобно было жесткими методами выбивать показания. Во мне совершенно непонятным образом просыпалась дремлющая стеснительность, которая,

впрочем, быстро уступала место азарту и ощущению близости цели. Ну и простое осознание – перед тобой враг, который если не сдастся, его уничтожат, как он уничтожил бы твою чекистскую невинную персону. Так что нет места сантиментам! Будем действовать сурово, грубо и зримо, как писал мой не слишком любимый, но, несомненно, значительный современный поэт Маяковский.

Так что дальше точить лясы я не стал. А просто присмотрел на этой туше болевую точку. Да и саданул по ней сложенными пальцами. Не опасно для жизни и здоровья, но очень неприятно.

Подождал, пока он отдышится. Потом нагнулся, взял контрика за мизинец. И деловито уведомил о нашей дальнейшей программе:

– Будем отрезать тебе по пальцу. А потом и другие части тела. К утру ты еще будешь жив, но от тебя мало что останется. Ощущения ждут непередаваемые.

И стал сгибать его пальчик. Что-то в нем треснуло. Руки эмиссара были стиснуты веревкой крепко, так что разорвать путы и освободиться он не мог. А пальчик гнулся все сильнее, грозя шелкнуть, как сухая ветка, да и обломиться.

Я рассчитывал на долгую и неприятную процедуру, хотя в ее итоге и был уверен. При экстренном допросе рано или поздно сдаются все. Но эмиссар поплыл как-то подозрительно быстро и прошипел гадюкой подколотной:

– Оставь! Поговорим!

Я его предупредил, что врать не стоит. Убедительно так предупредил. С еще одним ударом в нервный узел.

Мне было стыдно. Но мои нежные чувства были залечены добрым и откровенным разговором. Как я его и просчитал, Француз не относился к племени упертых фанатиков. И он трясся за свою шкуру, как простой смертный. Значит, достигнем взаимопонимания.

Он начал колоться. С толком и расстановкой. Вполне осознанно и подробно.

И по мере этого его стога, который ныне песней зовется, росло понимание – я опять вляпался во что-то липкое по самое не хочу. А ведь я уже давно жду спокойствия, размерности, душевного равновесия и совсем не ищу приключений. Вот только приключения исправно находят меня. На всю мою мускулистую борцовскую шею.

По окончании беседы я уже отлично представлял, во что она для меня выльется.

Она в то самое и вылилась...

Глава 6

«И вечный бой, покой нам только снится...» Этот стих про меня. И еще про тот самый вечный бой, который от меня всю мою жизнь не отходит ни на шаг. Иногда он нацепляет трагическую маску, сопровождается кровью, потерями и чувством опустошения в итоге. А иногда похож на анекдот. Вот прям как сейчас, на Верблюжьей Плешке.

– Ну ты чего, понял, куда тебе глядеть нельзя, дядя? – вызывающе, сам в себе подогревая праведную ярость и неприимимость, а также пытаюсь отделаться от несвойственной настоящим героям дрожи в коленках, вещал «Ромео».

Подкатили ко мне с далеко не мирными и даже враждебными намерениями аж трое доблестных воинов московских подворотен. Хотя скорее двое. Сам «Ромео» был задохликом, хоть и долговязым, с длинными руками и хоть каким-то, но воспитанием. А вот ассистентов он себе подобрал на загляденье, похожих, как братья, – приземистых, массивных, в одинаковых телогрейках и валенках, с многочисленными царапинами на костяшках пальцев от кулачных забав. А еще с непременными фиксами на месте зубов, с которыми пришлось расстаться в бесчисленных потасовках.

Вот он какой, театр абсурда. Сидишь себе в логове, затаившись, весь такой законспирированный, плетешь грандиозные планы, участвуешь в противостоянии разведок и миро-

вых держав, осуществляешь головоломные агентурно-оперативные комбинации. И на фоне всего этого личностного величия тебе норовит испортить жизнь, здоровье и все планы какая-то микроскопически мелкая шушера, шантрапа, разложившийся городской пролетариат, то есть сокращенно гопота, как их недавно начали называть.

Хотя «Ромео» гопотой можно было бы назвать с большой натяжкой. Так-то он товарищ сознательный и активный. Не черт с болота, а профсоюзный общественник на фабрике «Дереводело». Говорят, пользуется там у народа даже некоторым уважением благодаря крикливости и полному отсутствию тормозов, что в глазах окружающих делает из него защитника народных чаяний. Судя по всему, его уважали даже гопари, которые готовы были за него сейчас отмутузить заезжего наглого франта. Да они вообще готовы постоять за правое дело – а то «приезжают тут всякие, наших девок на сеновале зажимают». Хотя девка была и не их. И далеко уже не девка. Но это детали, а важен священный принцип – наше не трожь и по нашей улице вразвалочку гоголем не ходи.

Да, видно, что ребята решительные, азартные и лихие. Такие и штакетиной сзади переедут от избытка чувств. Или финку меж ребер сунут – хотя нет, для этого слабоваты. Все же пролетариат, ему по святым пролетарским традициям только морду положено чистить, а не вспарывать внутренности. Для ножевых забав существует иная порода городской нечисти, та, что с заточками в сапоге и фомками за поясом.

– Ты, дядя, с Дунькой не ходи по разным театрам-ресторанам. – Голос у «Ромео» был звонкий, натренированный на профсоюзных собраниях. – Сия дамочка не про вашу честь будет.

– Это Авдотья Михайловна? – попросил уточнить я, крутя на пальце прицепленную цепочкой к кольцу мою любимую зажигалку «Зиппо». Хорошая вещь, качественная, немецкая. Привык держать ее в руке – она мой как бы талисман. Хотя сам не курю, но иногда приходится дать прикурить, притом и в прямом, и в переносном смысле слова – ложится она в руку, как хорошая свинчатка.

– Сам знаешь, дядя, – выпятил губу «Ромео».

Дядей, хотя мы были примерно одинакового возраста, он меня называл из уважения к моему облачению – ботиночкам со скрипом, дорогому пальто из коверкота, меховой шапке из бобра, прикрывавшей лысую голову. Да, именно лысую. Перед командировкой мне пришлось, оглашая циркулярную горестным плачем и стенаниями, остричься под ноль ради оперативной необходимости.

Не заглядываясь, значит, на Дуньку. Вот стоило один раз с дамой прогуляться до Большого театра, тоже сугубо по оперативной надобности, и тут же нарисовался «Ромео», он же Сеня Богораз, влюбленный в нее по уши и ревнивый, как другой шекспировский персонаж – Отелло, которое, помнится, рассвирепело. Точнее, нарисовался он давно, но сейчас, подустав от долгой осады высокого терема, где живет не

обращающая на него никакого внимания отрада, бросился в бой. Правда, не на того, на кого стоило, а на того, кто случайно на глаза попался.

Я не выдержал и широко улыбнулся, издав едкий смешок. Да, правильно Ленин писал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». И диверсанту-разведчику-террористу в Советской России приходится ошиваться больше не по светским раутам, за бокалом французского шампанского вступая с противником в искрометные диалоги и ведя психологическую и интеллектуальную войну, напоминающую покер. А все больше выходит шататься по беспокойным городским районам и там плести свою сеть.

– Ну, ты напросился, дядя, – прошипел «Ромео».

Оценив мой смешок как сугубо издевательский, он ринулся в битву. Точнее, как любой уважающий себя военачальник картинно махнул рукой, посылая верные полки в бой.

И пехота пошла в наступление.

Тактическими изысками, типа, один заходит сзади и, как дикая кошка, бросается на шею, пережимая загибом руки сонную артерию, а другой в это время выбивает из противника пыль кулаками и ногами, эти двое не заморачивались. Шли, как учили, стенка на стенку, в ряд, чем напоминали легионеров римской когорты. Один уже тянул ко мне руку. А другой разуживал плечо, чтобы со всего размаху залудить в ухо.

Халтурили ребята. Решили, что видят в моей лице расфу-

фыренного павлина, не пробовавшего всей крепости пролетарского кулака. Хотя я и был мужчиной видным и крупным, но они воспринимали это как рыхлость и неуклюжесть. Настоящие бойцы улиц должны быть жилистые и подвижные. Или хотя бы такие вот коренасто-широкоплечие, как мои оппоненты.

Эх, ребята пока еще молоды. И их в жизни ждет еще много разочарований, если, конечно, доживут до седин. Сегодня этим их разочарованием стал я.

Так они удобно стояли, что грех было не воспользоваться случаем. Я резко рванулся вперед. И без всяких изысков просто схватил дураков за дурные головы и ударил друг о друга. Они пижонили, поэтому шапок на них не было. И звук столкнувшихся толоконных лбов был знатный. Так шары бьются на бильярдном столе после сильного и ловкого удара кием.

Один гопник сразу рухнул в снег, поскуливая и держась за голову. Второй еще стоял, неуверенно покачиваясь. Что же ты не падаешь, когда так убедительно просят? Ничего, подсечка тебе поможет всем телом встретиться с планетной твердью. Завалил я его и ногой по ребрам добавил. Не так сильно. Ничего не ломал, чтобы человек на работу мог ходить и поднимать советскую промышленность. Но болезненно, чтобы он задумался, стоит ли потакать дурной привычке чесать кулаки о незнакомых людей.

Оставался «Ромео». Как любой командир, оставшийся без

войска, он был жалок и потерян.

– Слышь, герой-любовник, – взял я его за грудки так, что ноги почти оторвались от земли. – Мне плевать на все эти сердечные дела. Соблазнишь Авдотью Михайловну – она твоя. У меня к ней ничего нет. Чего не понятно?

– Ты... Она с тобой... – «Ромео» был в самых расстроенных чувствах, от избытка которых по его щеке поползла далеко не скупая мужская слеза.

– Не со мной. Не бойся... А ко мне больше не подходи. Зашибу ненароком. А натравишь толпу – я выживу. А потом твой профсоюз осиротеет. Все доходчиво описал?

– Ты... Ты...

Тут он вообще затрясся, как заяц. И слез стало больше.

Я отпустил дурака. А тот присел на корточки и как-то по-волчьи взвыл.

Тут один из гопников приподнялся, тряся головой и глядя недоуменно окрест себя. Встал, покачиваясь. И с уважением произнес:

– А чего, нормальный мужик! Сеня, а чего ты к нему имеешь?

– Он... – просипел «Ромео».

– Ходи спокойно, дядя, – держась за лоб, продолжил мысль гопник. – На километр вокруг Верблюжьей Плешки никто к тебе не подойдет. А за «метростроевских» не скажу. Там не мы масть держим.

– Вот спасибо, – улыбнулся я. – Ну, бывайте. Не держите

зла.

Ну что же, с французской разведкой мне пока что доверительные отношения наладить не удалось. А вот с гопарями – пожалуйста. Полное взаимопонимание. Одна легкая потасовка – и я тут теперь свой, «верблюжатник». И неважно, что еще пять минут назад был чужим приبلудным командировочным франтом. Нет ничего чужого, что не может однажды стать твоим – такова заповедь ушлого вора, а также профессионального кадровика.

Ладно, развлеклись, пора и честь знать. Я, собственно, по делу шел. Проведать мой коллектив, который возглавил по приезду в Москву. А коллектив как раз собрался сейчас в домике, до которого пройти оставалось полсотни метров. Считанные мгновения, если бы гопари под ногами не путались. А весь сыр-бор возник из-за Авдотьи, будь она неладна!

Витиевато исполненная на дощечке вывеска гласила, что в двухэтажном дощатом строении находится «Контора артели «Революционный ткач». Звучит как-то по-масонски – почти что «Вольный каменщик».

Я толкнул дверь и поднялся по лестнице. Освещение было тусклое, электрическое. Сверху с граммофонным скрипом слышалась разудалая песня, можно даже с трудом было различить слова:

Мы никогда друг друга не любили,
В своих сердцах привета не носили,

Случайных встреч и взоров не ценили
И разошлись, как ночью корабли.

Я поднялся на второй этаж, толкнул дверь и очутился в служебном помещении конторы, куда путь был открыт только особо доверенному персоналу. И откуда сейчас доносился романс.

В советских учреждениях по большей части царят аскеза и рационализм – тесные помещения, невзрачная канцелярская мебель, всю другую или растащили, или спрятали с глаз долой, лишь бы контролирующие органы не заподозрили в злоупотреблениях и буржуазных наклонностях. Артель же по большому счету – это частная лавочка. И конторские интерьеры там зависят только от предпочтений руководства и финансовых возможностей. Предпочтения местных хозяев были очевидными. Контора больше походила на богемный притон. И это помещение иначе как будуаром назвать язык не поворачивался, хотя по всем документам оно и значилось как зал для заседаний.

Мебеля тяжелые, резные, старорежимные. Желтый матерчатый абажур с бахромой. Древний граммофон с громадной медной трубой. На длинном столе с ножками-тумбами вызывающе богатое для нынешних голодных времен угощение – бутерброды с рыбой и ветчиной, соленья, сало и даже бутылка коньяка – и где они ее только взяли! Густой дым сигарет – топор бы завис в нем. Только опиума для полноты

картины не хватает. Такая сценка из серебряного века.

На бархатной кушетке томно развалилась Авдотья Михайловна Сабанцева, та самая, из-за которой меня только что хотели мутузить за культпоход с ней под ручку в театр. В папиросно-сигаретном дыму плавали еще три фигуры. Председатель артели Викентий Каргин, шофер артели Глеб Черемис. И примкнувший к ним Артем Ярошенко, можно сказать, человек искусства, работник Большого театра. Правда, трудился он там по документам рабочим сцены, а на деле работающей от скуки на все руки. Руки золотые, все же бывший сапер.

Вот она, моя терроргруппа, филиал базирующейся в Париже контрреволюционной организации «РБХ», что расшифровывается «Русь Без Хама». Смелое такое название, выразительное и, главное, полностью отражает нравственное и психическое состояние участников. Они вечно пребывают в атмосфере тлена и легкого безумия, которая тут никогда не развеивается.

У Француза они проходили под оперативными псевдонимами Конторщик, Шофер, Сапер и Поэтесса. Такая вот веселая дружная компашка. Я для них эмиссар.

Сапер, стоящий у граммофона, поднял иглу от пластинки, музыка смолкла.

– О, наш вождь. Веди нас к победам, – промурчала, вытаскивая изо рта мундштук с длинной сигаретой, Авдотья, ошпаривая меня томным взглядом. Вот как у нее получается

в любом положении глядеть вызывающе и томно?

Женщина она была видная и ухоженная, хорошо одетая, что в гиблых местах вдоль реки Яузы высвечивало ее будто прожектором – как яркого африканского попугая на фоне блеклых сизых голубей. Поэтому она вечно притягивала взоры и толкала особой мужского пола на различные экспрессивные поступки. Тянула она как магнит всяких субъектов типа «Ромео», несмотря на разницу в возрасте – ей было далеко за тридцать. Формально она была женой Конторщика и бухгалтером артели. Что не мешало ей вилять хвостом, создавать вокруг себя ажиотаж и оставлять поклонников с носом... А может, и не всегда оставлять. В общем, дамочка еще та бомба замедленного действия. И привлекает лишнее внимание к артели. Хотя есть и такой способ маскировки – создавать вокруг себя ажиотаж по мелочам, чтобы никто не замечал главное. А главное тут то, что артель «Революционный ткач» есть не что иное, как прикрытия для подпольной организации.

Вообще артели – это не только ячейка народного хозяйства, но и отличная завеса для всяких темных и тайных делишек. В бытность мою внедренцем на Украине именно артель являлась базой союзного ОГПУ и отлично себя показала.

– Песенки, коньячок. «На дело не мы. На работу – не мы. А гулять да плясать – против нас не сыскать», – процитировал я пословицу. – Что-то расслабились вы, соратники.

– Это чтобы сподручнее было напрягаться, когда придет

час, – брякнул Конторщик.

– Уже пришел... Проверил я на досуге запас. Взрывчатка на месте, ничего с ней не случилось. И всякая техническая мелочь к ней... Вы рады, Артем Авенирович? – обернулся я к Саперу.

Тот, обычно мрачный и неразговорчивый, тут же просветлел лицом и издал удовлетворенное кряканье.

Весь смысл его жизни был в том, чтобы что-то взрывать. Проклятые большевики надолго лишили его этого удовольствия. Но теперь вновь появилась возможность отдаться любимому делу.

– Порадовали, Александр Николаевич, – пробормотал он. – Ох, порадовали...

Он уже грезил наяву о своем Большом Взрыве. Взрыве его мечты...

Глава 7

«Все, конец! Конец всему! Сейчас меня возьмут! Позор! Может, лучше самому! Ствол к виску – и все!» – метались мысли в голове Мирослава, как вспугнутые на скалистом «птичьем базаре» птицы, напрочь выбивая здравомыслие и толкая на крайности.

Прижавшись к парапету моста, он глядел в темную воду, все еще не покрывшуюся до конца льдом. Может, лучше броситься в пучину, пока не скрутили? Он знал, что не выплывет – и пальто зимнее тяжелое, и вода ледяная, и плавает не слишком хорошо.

Пальцы до боли сжали рукоять револьвера. Мирослав Ефимов затравленно оглянулся на приближающихся преследователей. Надо решаться. Открыть огонь по ним? Утопиться? Застрелиться? Или так и стоять, как корова на бойне, ожидая своей участи?

Ждать участи? Хуже нет ничего. Его всегда притягивало движение, а не анемия. Что может быть красивее, чем сгореть ярко, в пламени борьбы?.. Борьба – лишь она делает человека человеком. Кто не борется – те и не живут. Так говорил его кумир товарищ Апанасьев. И сам сгорел, как свеча.

С детства Мирослав ненавидел обыденность и обыденных людей. Он сбежал из крестьянского зажиточного дома в Запорожье, потому что его магнитом притягивал наполненный

страстями и азартом большой мир. Его тянул водоворот событий, которые потомки назовут историей. С головой окунаясь в него, он добровольно вступил в ряды РККА, а потом и в войска ОГПУ, за что был проклят родней. Но ему всегда казалось, что этого мало. Душа жаждала чего-то более возвышенного. Она стремилась к подвигу.

С этой пламенной жаждой пошел он по комсомольской линии. Внушая что-то людям, он и сам горел этой своей неистовостью. Он был создан для того, чтобы поднимать массы на подвиги и свершения.

Больше всего ценил эти его таланты товарищ Апанасьев, пребывавший на комиссарской должности в полку войск ОГПУ. И он начал приближать к себе пылкого и романтического паренька. Принялся аккуратно работать с ним. Стал сперва ненавязчиво, поверхностно, потом все глубже объяснять ему всю суть исторического момента.

Именно он открыл Мирославу глаза на весь ужас творящегося вокруг. Объяснил, логично и исчерпывающе, что товарищ Сталин проводит убийственную политику для мирового коммунистического движения. Бессмысленно воюет с собственным народом, тратя все силы на бесполезные коллективизацию и индустриализацию. И это вместо того, чтобы воевать с мировой буржуазией и сжечь этот самый народ в благородном племени мировой революции. Давно забыты заветы Ленина и Маркса, строится не коммунизм, а советская бюрократия, ничем не лучше царской и какой-нибудь

буржуазной. Те же фискальные органы, тот же надзор и контроль, те же самые призывы больше работать и терпеть, только теперь уже не ради блага зажавшегося буржуя, а для мифического советского государства.

Потом были подавления крестьянских восстаний в бескрайних казахских степях и в седых горах Северного Кавказа. Мирослав стрелял в кого-то, не зная, попадал ли. И опять ему задавали неприятные вопросы знающие товарищи: «А чем мы сейчас лучше царских сатрапов? Почему не даем национальным меньшинствам свободу, а несем закабаление?»

Однажды Мирослав отпустил в горах предводителя восставших Абдуллу Каримова. Тот бежал от преследования и вышел как раз на сидящего в засаде бойца. Абрек поднял послушно руки, понимая, что не успеет ничего сделать – пуля прилетит раньше. Сделал жалкую попытку уговорить своего врага:

– Отпусти! Я за свой народ! Ты за свой народ! Что нам делить?

Мирослав подумал. Вспомнились внушения и разъяснения товарища Апанасьева. И возник неудержимый порыв в мятущейся душе: «Довольно разговоров! Пришла пора поступков!» И на этот поступок он сейчас решился.

– Иди, – кивнул он абреку.

Абдулла и пошел, едва передвигая ноги, все ожидая выстрела в спину. Но его не последовало.

А товарищ Апанасьев тогда Мирослава похвалил:

– Молодец. Знаешь, когда стрелять, а когда не стрелять.

– Врагов мировой революции я готов стрелять всегда, – уверенно и твердо произнес Мирослав. – В любых количествах.

– Похвально, – ласково улыбнулся Апанасьев. – Тогда в кругу единомышленников будешь называться Сансоном. Знаешь, кто это?

– Шарль Анри Сансон, – как на уроке оттарабанил Мирослав. – Королевский палач, который казнил потом и своего короля Людовика, стал главным палачом Французской революции.

– Вот именно. Тем и вписал себя в историю. А нам пришла пора начать казнить кое-кого из своих королей.

Да, товарищ Апанасьев не раз говорил, что рано или поздно на террор Сталина придется ответить еще более жестоким и масштабным террором Истинной Революции. И очень часто ссылался на товарища Троцкого и его приспешников. Ежу понятно, что если бы правил не Сталин, а Троцкий, то не было бы этих крестьянских, национальных бунтов и их подавлений. И уже разгорелся бы пожар мировой революции, а угнетенный пролетариат взял бы Бастилию во Франции. Или нет уже этой Бастилии давно? Да оно и неважно. Что-то да взяли бы обязательно.

Постепенно Мирослав, будучи от природы смышленным, начинал понимать, что с мировой революцией так просто и быстро не получится. Но вдолбленная ему троцкистская

ненависть к большевикам только росла. При этом логика в его голове работала выборочно, добавляя в списке претензий к власти негативные факты и отбрасывая напрочь противоположные. Он предпочитал не видеть, что борцы за национальное освобождение и против коллективизации на деле чаще оказывались обычными бандитами и грабителями, резали большевиков безжалостно и отвечали за это по закону. В эту логику не укладывалось, что без государственной жесткой системы хаос неизбежен. Он видел во всем только ненавистные деяния сталинских сатрапов.

Любой психиатр поставил бы соответствующий диагноз из сложных латинских слов, который бы сводился к одному – Мирослав просто свихнулся на почве ненависти к действующему режиму и нереализованных амбиций. Но доброго врача рядом вовремя не оказалось. И, направляемый комиссаром Апансьевым, он все глубже погружался в мрачный выдуманный мир, где верхушка ВКП(б) плетет зловещие планы, как извести истинных коммунистов и продать мировому капиталу дело революционного пролетариата.

Товарищ Апанасьев взял с него обязательство идти по верной дороге до смерти – своей или врагов. Уже собирался ввести в курс дела, познакомить с членами подпольного сообщества, которое называл уважительно «организация», да помешало ОГПУ.

Однажды взяли и товарища Апанасьева, и всю организацию. Выяснилось, что называлась она «Революционная во-

енная комиссия», пустила достаточно глубокие корни в армии и даже в войсках и органах ОГПУ. Армия вообще была вотчиной Троцкого, он расставил на ключевые должности множество своих людей, и до сих пор там его влияние ощущалось очень сильно. Время от времени в РККА проводились чистки. При этом чаще выявленных антисоветчиков не арестовывали, а просто выпирали со службы на вольные хлеба. Иногда накрывали подпольные организации, как эта пресловутая «Комиссия».

Товарища Апанасьева поставили к стенке, равно как и пятерых его сообщников. С остальными членами организации трибунал обошелся куда более мягко, отправив в заключение на срок от пяти до десяти. Некоторых освободили – наверное, тех, кто всех и сдал. У Мирослава даже возникла шальная мысль поквитаться с предателями, но он благоразумно отодвинул ее до лучших времен.

Конечно, это был сильный удар. Товарищ Апанасьев уважал Мирослава. Он видел в нем продолжателя его дела – во всяком случае, хотелось в это верить. И даже не сдал его ОГПУ. При этом в одну из последних встреч проинструктировал: мол, если что пойдет не так и нависнет опасность, немедленно уходить на гражданку. Внедряться в партийные органы. Делать карьеру. И создавать новую организацию. Однажды к нему, замаскированному подпольщику Сансону, ждущему своего часа, придут. Придут с паролем, который нужно заучить, как верующий заучивает «Отче наш».

Вот и создавал он свою организацию. Назвал ее просто и доступно для преданной делу революции молодежи – «Путь Ильича». Хотя, честно говоря, по путям Ильича у него были вопросы. Но назвать «Путь Троцкого» – это оттолкнуть пока что сомневающихся людей, еще не избавившихся от сладкого морока сталинской пропаганды.

За полтора года его организация выросла до полутора десятков человек. И хотя большинство из них являлись просто любителями почесать языком и поратовать за светлое будущее, были и те, кто способен на поступок.

А сам он был готов на поступок? Всегда считал, что готов. Что его праведная ненависть однажды выплеснется поступком, который удивит весь мир. Каким поступком? Террором!

Да, революционное дело можно решить только террором. Недаром же товарищ Апанасьев настойчиво твердил – только террор, только физическое устранение ключевых фигур противника, главных ренегатов.

Личный список этих ренегатов у Мирослава был длинный. На первом месте Сталин. Потом Молотов, Ворошилов, Калинин – много целей. Очень много. Ну и по мелочам были, типа директора его кожевенной фабрики имени Володарского – настоящий же предатель, из пролетариата похлеще царских управляющих соки выжимает со словами: «Стране нужна наша продукция». Стране нужны истинные революционеры!

Мирослав устал ждать. Вести от затаившихся соратников все не приходили. Пароль никто ему не говорил. И все чаще стучала в голове мысль: пора начинать бороться самостоятельно и в полную силу. Хотя товарищ Апанасьев предупреждал, что самый быстрый и верный способ стореть – действовать безоглядно, без указания более мудрых и высоко стоящих товарищей. Но где эти товарищи? А он здесь. И время идет. Время просто утекает сквозь пальцы. А сатрапия укрепляется, и скоро ее уже не сдвинет ничто.

Мирослав проживал в отдельной комнате в огромной коммунальной квартире недалеко от Кремля. Так и не удосужился жениться, ограничиваясь редкими связями с подругами по борьбе. Но личная жизнь его была совсем неважна для дела.

Он стал постоянно прогуливаться вдоль Москвы-реки и у Кремля, присматриваясь. Может, увидит кого-то из тех самых ренегатов. Говорят, сам Сталин и его прихвостни часто там расхаживают. Эх, бросить бы в лучших традициях «Народной воли» взрывное устройство в них. Только вот нет у него взрывчатки. Зато есть револьвер. И он стал брать его с собой, держа ладонь на рукояти. Надеялся на счастливый случай.

И вот такой случай представился. Столкнулся он с этой компанией на улице около Боровицких ворот. Глаз будто прилип к человеку в солдатской шинели и в картузе защитного цвета. Рядом с ним шел рыжебородый мужчина в тем-

ном пальто и в кепке – этот был Мирославу незнаком. А вот типа в шинели он моментально узнал по многочисленным портретам. Это был Сталин! Он показался ниже ростом, чем должен быть. Шел медленно и вдруг уперся почти в упор в Мирослава глазами. Сзади него человек пять – наверное, охрана.

Все это было на расстоянии вытянутой руки. Мирослав даже задел плечом рыжебородого.

Это был судьбоносный момент. Выхвати сейчас Мирослав револьвер да разряди в эту ненавистную фигуру в солдатской шинели – и мир изменится как по волшебству. Больше одного выстрела вряд ли успеет сделать – скрутят. И надо стрелять точно. Стрелять метко... Надо стрелять!

Но он оцепенел в этот миг. Никаких сил не было, чтобы сделать судьбоносное движение. Рука, которая сжимала револьвер, вообще отказывалась повиноваться. Это было просто колдовское наваждение.

Сталин еще раз мазанул по нему, казалось, ироничным взором и вернулся к разговору.

Момент почти упущен. Можно еще развернуться и попробовать выстрелить в спину. Хоть и охрана рядом, но еще можно успеть. Или не успеть, но хотя бы попробовать. Но рука не слушалась – и все...

Пока он терзался нелегкой борьбой с собой, вся компания стала вне досягаемости. Поэтому Мирослав просто сплюнул на землю и быстрым шагом устремился в сторону Большого

Каменного моста. А на середине моста услышал за собой топот и окрики.

Обернулся и увидел в отдалении двоих преследователей – один в милицейской форме, другой в партикулярном платье. Приближались они быстро.

Как они опознали в нем врага? Да черт его знает! Но опознали же!

И что теперь делать? Самоубиться или погибнуть в схватке? Но ступор, не позволявший нажать на спусковой крючок, не проходил. Мысли метались. И вдруг всех их подавила одна четкая и ясная – он не готов умереть.

Конечно же, он счастлив отдать жизнь за мировую революцию. Спалить всего себя, своим телом став для нее топливом. Но только не здесь. И не сейчас.

Ведь сейчас что главное? Не попасться! Выскользнуть. Уцелеть. А потом будет новая борьба. И она будет еще ожесточеннее.

Действовал он быстро. Главное свидетельство его злых намерений – револьвер в кармане. Стремительным движением он выбросил вперед руку. Разжал пальцы. И оружие упало в мутную воду Москвы-реки.

После этого съезжился, ожидая, что его собьют с ног. Заломают руки. Он будет все отрицать. Настаивать на своей невиновности. Оружия нет, значит, нет и основного вещественного доказательства.

Замерев в ожидании, он так и продолжал стоять, впив-

шпись пальцами в гранит моста и замороженно смотря в воду в ожидании неизбежного.

Топот достиг апогея... А потом начал стихать.

Осторожно обернувшись, Мирослав увидел, что те двое продолжают быстро идти дальше по мосту. К одной известной им цели. И эта цель – явно не террорист-революционер Сансон.

Мирослав оторвал руки от парапета. Они тряслись. По щекам текли слезы от осознания собственного ничтожества. От того, что он не смог ничего. От своего недавнего страха.

А потом будто дождь смыл грязь его мыслей и чувств. Сердцебиение унялось. Он распрямил плечи. Нет повода для терзаний. Он все сделал правильно. Не запаниковал. И, главное, сохранил себя как верного бойца для будущего. Для великолепного, кипящего магмой и разбрасывающего огонь будущего.

Вот только револьвер жалко. Проклятые большевики так туго затянули все узлы, что найти сейчас новое оружие сложно. Да еще и опасно – искать будешь, так быстро за шкуру возьмут.

Ничего, револьвер – дело наживное. А вот что не продается и не покупается – это преданность борца своему делу.

Не получилось сегодня убрать главного сатрапа. Ну и ладно. Товарищ Апанасьев говорил, что все должно идти по плану. А импровизации редко приводят к успеху.

Так что будем продолжать ждать. Ждать, когда к нему по-

стучатся и произнесут пароль...

Глава 8

Что такое шпион без инструкций? Так, жалкое существо, брошенное на чужбину и бесцельно слоняющееся по чужим улицам в поисках смысла своего существования. Поэтому вопрос надежной связи с разведывательным центром жизненно важен.

У Француза по прибытии в Россию непосредственная связь с зарубежным разведцентром обрубалась начисто. Его задача была расконсервировать скрытые террористические ячейки. Добраться до Москвы. Взять одну из них под личное руководство, с ее помощью легализоваться. Скинуть в тайник координатору подпольной сети сообщение из центра с подробными инструкциями. После этого перейти под руководство этого самого координатора.

Ох, как мне хотелось увидеть координатора лично. Поздороваться, потрепаться за жизнь. Но пока что это отдаленная перспектива. Пока что мы будем общаться вот так, за глаза, через шифрочки. Такое положение вещей настоящего эмиссара нисколько не должно трогать, но внедренного под его личиной чекиста в моем лице просто бесило.

Ладно, ничего не поделаешь. Не нами все устроено, но нам все ломать. Пусть не сразу, а шаг за шагом. Но сломаем всю эту сеть непременно. А прямо сейчас мне предстоит получить от координатора-резидента первую весточку.

Утро туманное. Хотя уже и не раннее. Что хорошо, когда при внедрении предоставлен сам себе – никакой тебе служебной дисциплины. Не надо в отчаянье долбить с утра ладонью по зловредному будильнику, звонящему обязательно в самый сладкий момент сна. Не нужно шататься тенью по дому – от зубной щетки к примусу с железной чашкой с цикорием. И, натянув на автомате сапоги и пальто, в очумелом состоянии не надо плестись до работы, падать за свой рабочий стол, пытаясь понять, что ждет сегодня от меня родное ведомство. Как модно говорить с недавних времен – я сова. Мне по душе ночной образ жизни. Утром я нетранспортабелен и некоммуникабелен.

Отсыпаюсь я в тесной комнатенке длинного двухэтажного барака. Он разделен на микроскопичные, как спичечные коробки, помещения хлипкими дощатыми стенками, почти не задерживающими звуки. Вот и сейчас за стеной супружеская пара меряется такими отборными матюками, что аж заслушаешься. Я постучал по стенке, прикрикнув:

– Мне все слышно, товарищи!

Матюгальщики вежливо затихли. Вот так и живем, как в птичнике, – все кудахчат, пищат и ругаются. Но к этому привыкаешь быстро.

Комнату для меня, командировочного, выделили стараниями артели «Революционный ткач». Туда я прибыл, как откомандированный от «Севснаббыттекстиля» – организации, затерявшейся в окрестностях Архангельска. Наработ-

ка по данному оперативному прикрытию была не наша. Все это преподнес нам на блюдечке с голубой каемочкой арестованный Француз, вдруг резко раскаявшийся и преисполнившийся желанием помочь органам охраны завоеваний революции. Пел он с готовностью о мельчайших деталях своей антисоветской деятельности. И проявлял воистину братскую заботу о моей безопасности во время внедрения. Подозреваю, что раскаянье тут ни при чем. Просто ему намекнули – если что будет со мной не так, значит, он во всем и виноват. И конец его будет страшен, в назидание грядущим поколениям хитрецов и предателей. Он проникся.

И командировка от «Севснабсбыттекстиля», и документы от этой конторы, которые я привез в потертом кожаном портфеле, были подлинными. И числился я в штатах как приглашенный специалист. И должен был навести мосты по настоящим поставкам, подписать кучу подлинных документов, так что, можно сказать, я еще и трудился на благо советского народного хозяйства.

Э, расслабился я что-то, пора и поработать. Натянув свое тяжелое и неудобное зимнее оснащение – пальто, шапку, галоши, – я отправился по своим тайным и явным делам, которых накопилось предостаточно.

На крыльце меня обдало холодным ветром. Я поежился. Поздоровался с сидящими на корточках и смолящими вдвоем одну папиросу соседями. Они, как всегда, уважительно оглядели меня. Точнее, мой шикарный наряд, просчитывая,

как хорошо можно было бы разжиться, отжав у фраера богатые вещички. Но ребята с понятиями, для них существует правило: где живешь, там не бузишь. И я для них, поскольку проживаю в их ареале обитания, уже как бы где-то и свой. Поэтому они даже привстали, чинно поздоровавшись:

– Наше вам с кисточкой.

– И вам не хворать, добрые соседи.

У одного «доброего соседа» под глазом сиял налившийся фингал – это его вчера ухари с общежития «Мосжилстроя» приголубили, когда территорию делили – кому куда можно ходить и куда нельзя. Ну а что, защита рубежей – дело благородное. И синяк он носил гордо, как медаль.

Постояв на скрипучем крыльце, я огляделся. Пейзаж вокруг был явно не белокаменный, столично-парадный, а все больше деревянный и затрапезный. Но ведь основная часть населения столицы живет не около Кремля и в Доме на набережной, а вот в таких районах, вдоль той же речки Яузы с мутными водами.

Эта часть Москвы славилась временным, наспех возведенным жильем для многократно вспухшего на дрожжах индустриализации пролетариата. Новые заводы требовали огромного количества рабочих рук. Вот и съезжались люди в столицу и из маленьких городков, и из деревень – как всегда, с надеждой на лучшее. Жилья хронически не хватало, даже дореволюционные заводские казармы были переполнены. Поэтому росли один за другим дощатые бараки общежи-

тий. Гораздо реже, но все же постоянно и неустанно возводились аккуратные новостройки стандартных благоустроенных четырехэтажных домов.

С одной стороны передо мной городок «Метростроя». Эдакий оазис благоустроенности, где приличные деревянно-щитовые дома с удобствами, клуб, продовольственный магазин, в котором отоваривались только по метростроевским карточкам. С другой стороны приютилась пара новеньких кирпичных домов чулочной фабрики. А в остальном везде длинные непрезентабельные бараки «Мосжилстроя» и других подобных организаций. Да еще суконная фабрика неустанно сливала промышленные отходы прямо в Язу, что ставило под вопрос пребывание в водной пучине всего живого.

Мои соседи центром местной цивилизации гордо считали Верблюжью Плешку. В этом комплексе барачных зданий проживал самый разношерстный люд – работяги, сомнительные личности и вообще незнамо кто. Здесь же находились цеха артели «Революционный ткач» и ее правление. И также всякие склады и развалины, к которым сейчас лежал мой путь.

Впрочем, далеко от барака мне отойти не удалось. Передо мной в обычной манере, как черт из табакерки, возник надзирающий за местной территорией комендант «жилого комплекса» – так назывались несколько жилых барачков на Верблюжьей Плешке. И он целенаправленно устремился в мою

сторону.

Иосиф Липин собственной персоной, невысокий, с пышными усами. Короткий его тулупчик был перепоясан портупеей, на голове – треух. Взгляд какой-то оловянный, но беспокойно бегающий вокруг и все замечающий.

Удивительный человек. Куда ни пойдешь в этих местах – обязательно наткнешься на него. Такой типичный продукт канцелярской селекции. Невзрачный, вечно уныло насупленный. И страшно деловой, сующий нос во все, куда только тот пролазит. И куда не пролазит – все равно сует.

– Товарищ Хаецкий. Слышал, вас тут антиобщественный элемент задирает, – с места в карьер бросился он, подтвердив славу человека, без внимания которого по Верблюжьей Плешке даже комар не пролетит.

– Да какой задирает, – отмахнулся я. – Так, поговорили с товарищами о местных достопримечательностях и этнографии.

– Да, с графией у них все хорошо. Как на заборе слово неприличное писать – тут вся их графия!

Я хмыкнул в ответ:

– Точно подмечено.

– На то и поставлены... Ежели что, вы мне скажите, – продолжал напирать комендант. – Их компетентные органы быстро вразумят. У нас же социализм, а не анархия. Государство рабочих... И зайдите в контору – расписаться надо в книге проживающих.

– Хорошо, – согласился я. – Вечерочком.

– Ну и чайку попьем. Приятно с образованным человеком поговорить... Как это – этнография, – он причмокнул с удовольствием, будто распробовав на вкус диковинное сладкое слово.

– Непременно, Иосиф Антонович, – уважительно произнес я, крутя на пальце зажигалку «Зиппо». – А сейчас позвольте вас оставить.

– Оставьте, оставьте. Но если что, то я всегда...

Я поблагодарил коменданта и раскланялся. Меня ждали мои неотложные шпионские дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.